

М. Ю. Жаворонкова

Кемеровский государственный университет

**Поэтика свадебного сюжета в творчестве Н. В. Гоголя:
несостоявшаяся свадьба**

Статья посвящена поэтике свадебного сюжета с несостоявшимся основным обрядовым событием в творчестве Н. В. Гоголя. Этот инвариант архетипа «священного брака» присутствует в ряде фольклорных жанров. Особое внимание к нему в эпоху романтизма в жанре баллады проявили В. А. Жуковский и М. Ю. Лермонтов, связав с темой рока, судьбы, предопределения. В произведениях Гоголя мотивы несостоявшегося брака контрастируют с романтической традицией и характерным для нее драматическим развитием событий. В ранней неоконченной повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» намечен иронический вариант, в котором романтическое содержание брачного сюжета травестируется. Этот вариант развит в комедии «Женитьба», где срыв свадьбы связан с дублированием обрядовых ролей, соперничеством сватов, рефлексией главных героев. В «Мертвых душах» свадебный сюжет теряет прямые связи с каноническим обрядом, с его романтической вариацией, трансформируется, входя в развитие плутовского сюжета. На основе наблюдений делается вывод о развитии интереса к данному сюжету в творчестве Гоголя, о разных жанровых формах воплощения его содержания. Сопоставление с романтической традицией выявляет ранее не отмеченные особенности поэтики автора.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, обряд свадьбы, несостоявшаяся свадьба, сюжет, поэтика.

В творчестве Н. В. Гоголя комплекс брачных мотивов занимает значительное место начиная с первых произведений. А. Х. Гольденберг, рассматривая архетипы в творчестве писателя, подробно останавливается на соотнесенности многих героев со свадебными чинами [Гольденберг, 2007, с. 22–42]. Развивая эту тему, мы сосредоточим внимание на поэтике свадебного сюжета с несостоявшимся основным свадебным событием, который встречается в гоголевских произведениях.

Для раскрытия поэтики сюжета о несостоявшейся свадьбе у Гоголя вначале отметим, что разные его варианты можно найти в фольклоре и литературе разных эпох.

В фольклоре он, как правило, связан с балладой, где препятствием к браку часто становится запрет родителей. Из русских народных баллад с таким сюжетом

Жаворонкова Мария Юрьевна – соискатель кафедры истории и теории литературы и фольклора Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия; miuzh91@mail.ru)

наиболее известна баллада «Василий и Софья», в которой мать жениха, не принимая его выбор, хочет отравить невесту, но герои меняются чарками и вместе умирают. В финале возникает традиционный для этого варианта образ деревьев, произрастающих из могил влюбленных, символизирующий верность любви [Новичкова, 2004, с. 174].

Сюжет о несостоявшейся свадьбе становится популярен в русском и европейском романтизме. Романтики с их вниманием к индивидуальному миру личности, к теме судьбы, рока выдвинули на первый план не свадьбу, а любовь, психологический мир героя и героини, неповторимость и исключительность чувства. Одним из самых распространенных в романтической балладе стал мотив смерти жениха и возвращения жениха-мертвеца к невесте, генетически восходящий к народным представлениям о «злых мертвецах». Среди русских романтиков свои вариации этого мотива мы находим у В. А. Жуковского и М. Ю. Лермонтова.

Литературным источником большинства русских произведений, использующих мотив смерти жениха, стала «Ленора» Бюргера, в которой жених-мертвец является невесте и увлекает ее в могилу [Иезуитова, 1978, с. 140]. К вольному переложению баллады немецкого романтика трижды обращался В. А. Жуковский, переосмысливший ее не столько в сюжетном плане, сколько стилистически [Канунова, Ветшева, 2008, с. 288]. Больше всего от «Леноры» отличен сюжет «Светланы», где угроза счастью молодых возникает во сне героини и наяву не сбывается.

Р. Ю. Данилевский считает «Ленору» возможным источником балладного стихотворения Лермонтова «Гость» («Кларису юноша любил...»), в котором жених-мертвец появляется на свадьбе Кларисы, нарушившей клятву верности [Данилевский, 1981]. «Гостю» (1830–1831) созвучно и позднее стихотворение «Любовь мертвеца» (1840), но монологическая форма этого произведения смещает акценты, в центре внимания оказываются переживания лирического героя, а часть балладного сюжета (клятва невесты и смерть жениха) уже в прошлом.

Сюжет о несостоявшейся свадьбе присутствует в последних редакциях поэмы «Демон» и содержит ряд особенностей, характеризующих горскую свадьбу (калым, особые приготовления к свадебному пиру, танец невесты с бубном и т. д.) [Ходанен, 2014]. Эпизод свадьбы в «Демоне» во многом сохраняет балладный вариант с верностью жениха невесте, таинственностью мертвого «молчаливого» всадника, темой судьбы. Однако мотив возвращения мертвого жениха переосмыслен, воплощен в реальность: не воскресший жених является к невесте, а конь приносит на брачный пир убитого жениха и мертвый всадник падает на камни у ворот замка, где «звучит зурна и льются вины».

Сюжеты о несостоявшейся свадьбе, освоенные в романтизме, получают свою оригинальную интерпретацию у Н. В. Гоголя. Интерес писателя к свадебному обряду заметен в «Книге всякой всячины», и его художественное освоение многообразно представлено в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» [Жаворонкова, Ходанен, 2013].

В повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» погруженность в народно-бытовую среду приводит к возникновению мотива несоответствия героя обрядовому статусу жениха. В народной свадьбе жених «олицетворяет активную сторону обряда, от которой исходит инициатива брака» [Гура, 1999, с. 201]. Отношение к браку отличает Шпоньку от других героев-женихов в «Вечерах...». Поступки Грицька, Петра, Вакулы соответствуют свадебному канону. Для хуторского человека характерно стремление к свадьбе, семейной жизни. Брак заключается по любви, причем, чтобы получить право жениться на избраннице, молодые люди проходят испытания, решают трудные задачи, побеждают нечистую силу или даже используют ее для достижения цели. В мире казаков есть твердое убеждение в том, что «человеку... без жинки нельзя жить» [Гоголь, 2003, т. 1, с. 179].

Шпонька – особый герой в этом ряду. Он не помышляет о женитьбе, не имеет невесты и вообще боится самой возможности брака.

По мнению С. А. Гончарова, робость персонажа и связанный с ней страх перед женитьбой обусловлены онтологией грехопадения, лежащей в основе сюжета. Между тем биографическое повествование делает особенно значимым код инициального обряда, в частности свадьбы, которая должна завершить переход «дытны» в статус взрослого, «великого хозяина». Отказ приводит к тому, что Шпонька становится «неопределенным существом», а его биография – «антибиографией» [Гончаров, 1997, с. 91–98]. И. А. Иваницкий утверждает, что в повести «отражено положение мужского (младенческого) начала между двумя безднами, готовыми его поглотить – олицетворенной женской землей и социумом» [Иваницкий, 2000, с. 58]. В контексте фольклорных традиций отказ героя от учения и от женитьбы, «небытие» Шпоньки понимаются как спасение от злой силы, которую являет собой будущая жена. Мы рассмотрим поведение героя и сюжетные ходы в связи со свадебным каноном.

Герой сам не изъявляет желания искать брачную пару. Ивана Федоровича хочет женить Василиса Кашпоровна, его тетушка, олицетворяющая деятельное, активное начало, которое во всех других повестях сборника было присуще героям-мужчинам, в частности женихам. Сама Василиса Кашпоровна все время помнит, что делает все для племянника, родовое чувство мотивирует всю ее деятельность. Она хочет видеть Ивана Федоровича «великим хозяином» и отцом семейства. Желание тетушки «понянить маленьких внучков» закономерно и согласуется с ритмом жизни хуторского мира. Свадебные хлопоты занимают все ее мысли, и робости Шпоньки она не замечает.

Василиса Кашпоровна спешит познакомить племянника с Марьей Григорьевной, но страх Ивана Федоровича перед потенциальной невестой делает это знакомство комичным: «Иван Федорович немного ободрился и хотел было начать разговор; но казалось, что все слова свои растерял он на дороге. Ни одна мысль не приходила на ум» [Гоголь, 2003, т. 1, с. 237].

Для тетушки женитьба племянника естественна как часть жизни, тогда как для Шпоньки это слом всей привычной жизни: «...это казалось ему так странно, так трудно, что он никак не мог подумать без страха. Жить с женою!.. непонятно. Он не один будет в своей комнате, но их должно быть везде двое!..» [Там же, с. 238]. Страх свадьбы в полной мере находит свое воплощение во сне героя, где жена предстает демоническим персонажем с «гусиным лицом», а брак ассоциируется с насилием: «Вдруг кто-то хватает его за ухо. “Ай! Кто это?” – “Это я, твоя жена!” – с шумом говорит ему какой-то голос. И он вдруг пробуждался» [Там же, с. 239]. Страх разрушает возможность дальнейшего развития свадебных действий.

Шпонька – первый в ряду гоголевских холостяков, позднее ситуация несостоявшейся свадьбы встречается и в других произведениях писателя, наиболее полно воплощаясь в комедии «Женитьба», где «на первый план выходят мотивы неудачного свата и нерешительного жениха» [Алексеев и др., 1949, с. 466]. В пьесе сохранены действия подготовительного этапа обряда, свадебного сговора: сватовство, смотрины невесты, обручение. Есть и основные участники обряда, но при этом «ставится под сомнение само отношение персонажей к женитьбе, сама целенаправленность их поступков» [Манн, 2007, с. 220]. Развитие конфликта связано с дублированием обрядовых ролей жениха и свата, которое создает «миражную интригу» и придает свадебному действию дополнительный комический оттенок [Жаворонкова, Ходанен, 2016, с. 1241–1243].

Подколёсин, с одной стороны, стесняется своего холостяцкого положения, так как уже не молод и понимает, что «наконец точно нужно жениться» [Гоголь, 2009, т. 4, с. 313]. С другой стороны, он боится изменить свой привычный статус,

став «вдруг женатым», и под разными предложениями отказывается ехать на смотрины. Как и в повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», к женитьбе его подталкивают другие персонажи. Сваха Фекла Ивановна находит ему невесту, а женатый приятель Кочкарёв расписывает ему прелести жизни женатого человека:

Ну, а как будет у тебя жена, так ты просто ни себя, ничего не узнаешь: тут у тебя будет диван, собачонка, чижик какой-нибудь в клетке, рукоделье... И, вообрази, ты сидишь на диване, и вдруг к тебе подсядет бабеночка, хорошенькая эдакая, и ручкой тебя [Гоголь, 2009, т. 4, с. 320].

Кочкарёв берется «заправить свадьбу», выполняя в обряде функции одновременно дружки и свата. Как сват Кочкарёв участвует в смотринах, обручает молодых. Он помогает Подколёсину, хлопчет о венчании, свадебном банкете. Однако, как справедливо утверждает Ю. В. Манн, Кочкарёв при всем своем напоре полностью лишен мотивации действий [Манн, 2007, с. 221]. Если в черновом варианте пьесы он опасается, что сваха неудачно женит Подколёсина, то в окончательной редакции эта мотивировка снимается. Свадебное событие в какой-то момент становится соревнованием Кочкарёва со свахой. Странное поведение персонажа, по мнению исследователя, является одной из форм нефантастической фантастики [Там же, с. 99]. Таким образом, немотивированность действий Кочкарёва наделяет его чертами инфернального персонажа, который, вмешавшись в ход свадебного обряда, разрушает его.

Кочкарёв стремится во что бы то ни стало обвенчать Подколёсина, не замечая его сомнений. Участвуя в смотринах, Кочкарёв, чтобы отвалить соперников, порочит невесту перед другими женихами. В этом эпизоде в комическом ключе представлена традиция навеличивания невесты, когда принято было хвалить внешность, речь, наряд молодой [Агапкина, Гура, 1995]. Он также оговаривает женихов перед Агафьей Тихоновной. Выбор невесты в пользу Подколёсина в конечном счете объясняется именно вмешательством Кочкарёва. Комично выглядит сцена обручения молодых, в которой он фактически делает предложение Агафье Тихоновне за своего нерешительного друга, а потом и угрожает Подколёсину:

Кочкарёв. Натурально, натурально, так бы давно. Давайте ваши руки!

Подколёсин. Сейчас! (*Хочет сказать что-то ему на ухо. Кочкарёв показывает ему кулак и хмурит брови; он дает руку.*)

Кочкарёв (*соединяя руки*). Ну, Бог вас благословит! [Гоголь, 2009, т. 4, с. 360]

Показательно, что Кочкарёв не дает жениху и невесте никакого напутствия, торопясь с приготовлениями к свадьбе:

Брак – это есть такое дело... Это не то, что взял извозчика, да и поехал куды-нибудь; это обязанность совершенно другого рода, это обязанность... Теперь вот только мне времени нет, а после я расскажу тебе, что это за обязанность [Там же, с. 360].

Кроме того, на наш взгляд, за этой репликой стоит профанация Кочкарёвым глубинного смысла свадебного обряда, что он демонстрирует в первом своем разговоре со свахой:

Кочкарёв. <...> Ну послушай, на кой черт ты меня женила?

Фекла. А что ж дурного? Закон исполнил.

Кочкарёв. Закон исполнил! Эх невидаль, жена! Без нее-то разве я не мог обойтись? [Там же, с. 318]

Соперничество Кочкарёва со свахой приводит к срыву свадьбы. Подколёсин сомневается и сбегает из-под венца, боясь ответственности, так и не решившись на окончательный выбор. В результате обряд не завершается, невеста оказывается опозорена, а Фекла Ивановна констатирует несоответствие Подколёсина обрядовой роли жениха:

Да у меня пусть такие и эдакие женихи, общипанные и всякие, да уж таких, чтобы прыгали в окна, – таких нет, прошу простить. <...> Еще если бы в двери выбежал – ино дело, а уж коли жених да шмыгнул в окно – уж тут просто мое почтение! [Гоголь, 2009, т. 4, с. 365]

Но и Кочкарёв не соответствует роли свата, на которую претендует. Вмешавшись в ход обряда, он только разрушает его, пытаясь женить человека, который к этому не готов. Кочкарёв «дела свадебного не знает» [Там же] и выполняет все свои функции лишь формально, не стремясь к созданию брачного союза. Подколёсин не может вступить в брак из-за своей нерешительности, а вмешательство извне приводит к разрушению традиционного хода обряда, травестируя его.

Смысловое содержание мотива несостоявшегося брака в более поздних произведениях усложняется. Значительную роль начинает играть социальный статус героев, свадьба выступает одним из способов приобретения более высокого положения в обществе, прямого обогащения.

В «Ревизоре» свадебный обряд является частью «миражной интриги». Принятый чиновниками за уполномоченное лицо, Хлестаков становится женихом дочери Городничего из-за своего легкомыслия и волокитства. Не стремясь вступать в брак, он объясняется и с женой, и с дочерью Городничего в сердечной склонности, из-за чего возникает путаница:

Хлестаков (*схватывая за руку дочь*). Анна Андревна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна (*с изумлением*). Так вы в нее?.. [Гоголь, 2003, т. 4, с. 67]

Городничий, узнав о жалобах на него, вбегает в комнату оправдываясь и не сразу понимает, что «ревизор» просит руки Марьи Антоновны. Благословение иконой, которое по традиции совершают родители молодых, Городничий совершает формально, а в его словах сквозит страх перед ожидаемым наказанием: «Да благословит вас Бог, а я не виноват» [Там же, с. 68].

Хотя с точки зрения зрителя ситуация выглядит комично и складывается как недоразумение, отец невесты воспринимает обручение дочери с петербургским чиновником как шанс повысить свой социальный статус, начинает мечтать о жизни в столице, о чине генерала:

Городничий. Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он запанибрата со всеми министрами и во дворец ездит; так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно, можно [Там же, с. 72].

В итоге герой-жених Хлестаков оказывается «сосулькой, тряпкой», обряд, благословение союза иконой оборачиваются пустышкой, а честолюбивые карьерные планы Городничего осмеяны.

О свадебной теме в «Мертвых душах» пишет А. Х. Гольденберг. Исследователь соотносит некоторых персонажей со свадебными чинами, обращая внимание на связь их внешности, характера и поведения с традиционными образами обрядовой поэзии.

Своеобразие брачных мотивов в «Мертвых душах» связано с их вхождением в мир плутовского романа, появлением тайных мечтаний и планов героя и образом Чичикова как жениха-плута, преследующего свои корыстные цели. Слух о намерении героя увезти губернаторскую дочку также представляет собой выдуманный романтический сюжет о похищении невесты в его сниженном пародийном варианте.

Вопрос о семейном положении Чичикова возникает у рассказчика в первом обращении к читателю. Рассказчик обращает внимание на то, что герой носит «шерстяную, радужных цветов косынку, какую женатым приготовляет своими руками супруга, снабжая приличными наставлениями, как закутываться» [Гоголь, 2012, т. 7, с. 11]. Когда о покупках героя узнают в городе, дамы начинают воспринимать Чичикова как завидного жениха-«миллионщика».

Сам Чичиков в последних главах раскрывается как жених-плут. После первой встречи с губернаторской дочкой герой, восхищенный ее красотой и свежестью, тем не менее, думает о ней как о возможной невесте с богатым приданым: «Ведь если, положим этой девушке да придать тысячонок двести приданого, из нее бы мог выйти очень, очень лакомый кусочек» [Там же, с. 89].

Плутовской вариант свадебного мотива связан с несдержанным словом жениха-плута. В заключительной главе рассказчик вспоминает эпизод из жизни Чичикова, когда тот ради повышения по службе стал ухаживать за дочерью начальника, расположения которого никак не мог добиться услужливостью.

И в канцелярии не успели оглянуться, как устроилось дело так, что Чичиков переехал к нему в дом, сделался нужным и необходимым человеком, закупал и муку и сахар, с дочерью обращался как с невестой, повытчика звал папинькой и целовал его в руку; все положили в палате, что в конце февраля, перед великим постом, будет свадьба [Там же, с. 216–217].

Однако, получив вакантное место, Чичиков сбежал на другую квартиру, после чего «о свадьбе так дело и замялось, как будто вовсе ничего не происходило» [Там же, с. 217]. Стоит отметить, что несдержанное слово жениха присутствует и в «Ревизоре», но если пустой и легкомысленный Хлестаков просто волочится за Марьей Антоновной, не помышляя о свадьбе, то Чичиков сознательно обманывает повытчика и его дочь, заранее рассчитывая на выгоду. Рассказчик отмечает этот случай как особенно важный для становления героя-плута: «Это был самый трудный порог, через который перешагнул он. С этих пор пошло легче и успешнее» [Там же].

Второй вариант свадебного мотива является одной из версий истолкования странных покупок Чичикова, основанной на романтических сюжетах о влюбленных, на союз которых общество накладывает запрет. Основу мотива составляет предположение о тайном венчании Чичикова с губернаторской дочкой, сделанное губернскими дамами. Сплетня постепенно обрастает подробностями, превращаясь в законченный романтический сюжет:

Оказалось, что Чичиков давно уже был влюблен, и виделись они в саду при лунном свете, что губернатор давно бы отдал за него дочку, потому что Чичиков богат, как жид, если бы причиною не была жена его, которую он бросил (откуда они узнали, что Чичиков женат, – это никому не было ведомо), и что жена, которая страдает от безнадежной любви, написала письмо к губернатору самое трогательное, и что Чичиков, видя, что отец и мать никогда не согласятся, решился на похищение [Там же, с. 179].

Поскольку этот романтический сюжет о похищении невесты воплощен в виде нелепого слуха, в поэме он получает комическую окраску. Окончательное его травестирование происходит в рассказе Ноздрёва, которого остальные персонажи

считают помощником Чичикова. Ноздрёв подтверждает слух и, будучи не в силах остановиться, выдумывает всё новые и новые детали, тем самым доводя его до абсурда: «...представились сами собою такие интересные подробности, от которых никак нельзя было отказаться... Подробности дошли до того, что уже начал называть по именам ямщиков» [Гоголь, 2012, т. 7, с. 197].

В отличие от персонажей сам рассказчик всегда противопоставляет Чичикова романтическому благородному герою, обращая внимание на его «осмотрительно-охлажденный характер» [Там же, с. 88]. Введенный в поэму пародийный сюжет о несостоявшейся свадьбе и рассказанная в последней главе история героя-плута полностью разрушают установку на восприятие Чичикова как романтического персонажа.

Сюжет о несостоявшейся свадьбе, освоенный русскими и европейскими романтиками, получает в творчестве Гоголя новое смысловое наполнение. Разрушается сама романтическая установка на союз двух любящих сердец. Характерная для романтической традиции сюжетная схема, в которой свадьбе мешают внешние причины мистического характера (рок, судьба), трагифицируется: герои не хотят свадьбы, а внешние обстоятельства их к этому настойчиво подталкивают. В более поздних произведениях большую роль начинают играть социальные мотивировки, а свадьба воспринимается героями как возможность обогатиться. Особенно это заметно в «Мертвых душах», где слух о тайном романе Чичикова с губернаторской дочкой является пародией на популярный романтический сюжет и контрастирует с реальными меркантильными целями героя.

Список литературы

- Агапкина Т. А., Гура А. В. Величание // Славянские древности: Этнолингвистический слов. / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 306–307.
- Алексеев М. П., Мордовченко Н. И., Назаревский А. А., Слонимский А. Л. Комментарии // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 5: Женитьба; Драматические отрывки и отдельные сцены / Ред. А. Л. Слонимский. М.; Л.: 1949. С. 441–509.
- Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т. 1. М.: Наука, 2003. 921 с.; Т. 4. М.: Наука, 2003. 1018 с.; Т. 7. М.: Наука, 2012. 808 с.
- Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. Т. 3: Повести; Т. 4: Комедии. М.: Изд-во Моск. патриархии, 2009. 688 с.
- Гольденберг А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. 261 с.
- Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте: Моногр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. 340 с.
- Гура А. В. Жених // Славянские древности: Этнолингвистический слов. / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 202–205.
- Данилевский Р. Ю. «Гость» («Кларису юноша любил») // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Сов. энцикл., 1981. С. 118.
- Жаворонкова М. Ю., Ходанен Л. А. Комплекс свадебных мотивов в цикле повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Образование, наука, инновации вклад молодых исследователей: Материалы VIII (XL) междунар. науч.-практ. конф., Кемерово, 2013. Вып. 14 / Сост. В. В. Поддубиков; под общ. ред. В. А. Волчека. Кемерово, 2013. С. 298–299.
- Жаворонкова М. Ю., Ходанен Л. А. Свадебные чины и развитие конфликта в комедии Н. В. Гоголя «Женитьба» // Образование, наука, инновации: вклад мо-

лодых исследователей материалы XI (XLIII) междунар. науч.-практ. конф., Кемерово, 2016. Вып. 17 / Сост. Д. Ю. Ногтев. Кемерово, 2016. С. 1241–1243

Иваницкий А. И. Гоголь. Морфология земли и власти. К вопросу о культурно-исторических основах подсознательного. М.: Изд-во РГГУ, 2000. 188 с.

Иезуитова Р. В. Баллада в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л.: Наука, 1978. С. 138–187.

Канунова Ф. З., Ветшева Н. Ж. Светлана // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 3: Баллады / Сост. и ред. Н. Ж. Ветшева, Э. М. Жиликова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 263–443.

Манн Ю. В. Творчество Гоголя: Смысл и форма. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 744 с.

Новичкова Т. А. Фольклорные мифологемы в контексте русской балладной традиции // Русский фольклор. Т. 32. СПб.: Наука, 2004. С. 172–180.

Ходанен Л. А. Звукосфера в творчестве М. Ю. Лермонтова // Лермонтовские чтения – 2013: Сб. ст. СПб.: Лики России, 2014. С. 24–25.

М. Yu. Zhavoronkova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation, miuzh91@mail.ru

The poetics of wedding plot in the literary works of N. Gogol: failed wedding

The paper is devoted to the poetics of the wedding plot with the failed main ritual event in the works of N. V. Gogol. This invariant of the archetype of the «sacred marriage» is found in folklore, defining the poetics of a number of lyrical and lyrical-epic genres such as song, folk ballad, legend. With Romanticism being focused on folklore, a number of fantastic plots developed their poetics. The ballads of V. A. Zhukovsky «Ludmila» (the translation of the ballad of Bürger «Lenora») and «Svetlana» were one of the first experiences of romantic assimilation of the motif of the dead groom's return to the bride to be used by Russian poets in 1820s – 1830s. The ballad tradition with a distinctive motif of rivalry, death of the groom, afterlife faithfulness of the groom to the bride, triumph of destiny was actualized in the works of Lermontov («Love of the dead», «Demon»). In the works of Gogol, the motifs of the failed marriage are in contrast to the romantic tradition and dramatic development of the events. In the early unfinished novel of Gogol «Ivan Fyodorovich Shponka and his aunt», an ironic version is planned, with the romantic content of the marriage plot subjected to travesty. The immersion in the people's everyday life gives rise to the motif of the hero's disagreement with the ritual status of the groom. Shponka is afraid of the very possibility of marriage, distinguishing him from the heroes-grooms of the other novels of «Evenings ...» where there is a complete agreement with the ritual role. Shponka's disagreement with the status of the groom is emphasized by the contrast with the strong-willed and active aunt Vasilisa Kashporovna who wants to marry her nephew. Ivan Fedorovich being afraid of the wedding and the wife destroys the possibility of further development of wedding rite. The plot scheme, typical of the romantic tradition, is rethought in the comic light. The characters do not want the wedding, but the circumstances are forcing them. The ironic version is developed in the comedy «Marriage», where the failure of the wedding is associated with the duplication of the ritual roles and the rivalry between the two matchmakers – Fyokla Ivanovna and Kochkarev. In later works, the social status of heroes begins to play a significant role, and the wedding becomes one of the ways of gaining the higher position in society, the direct enrichment. In «Dead souls», the uniqueness of marriage motifs is related to their entry into the world of the picaresque novel and the image of Chichikov as groom-rogues. Based on the observations, a conclusion is made about the development of interest in this plot in the works of Gogol, about the different genre forms of the embodiment of its content. A comparison with the romantic tradition reveals the features of the poetics of the author which have not been noted before.

Keywords: Gogol, wedding ceremony, the failed wedding, plot, poetics.

DOI 10.17223/18137083/64/7

References

- Agapkina T. A., Gura A. V. Velichaniye [Velichaniye]. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar' T. 1* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary. Vol. 1]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, 1995, pp. 306–307.
- Alekseev M. P., Mordovchenko, N. I., Nazarevskiy, A. A., Slonimskiy, A. L. Kommentarii [Comments]. In: Gogol' N. V. *Poln. sobr. soch.: V 14 t. 1937–1952. T. 5. Zhenit'ba; Dramatičeskije otryvki i otdel'nye stseny* [Complete works: in 14 vols. 1937–1952, Vol. 5 “Marriage”; Dramatic fragments and individual scenes]. A. L. Slonimskiy (Ed.). Moscow, Leningrad, 1949, pp. 441–509.
- Danilevskiy R. Yu. “Gost” (“Klarisu yunosha lyubil”) [“The guest” (“Young man loved Clarice”)]. In: *Lermontovskaya entsiklopediya* [Lermontov encyclopedia]. Moscow, Sov. entsikl., 1981, p. 118.
- Gogol' N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 23 t.* [Complete works and letters: in 23 vols]. Vol. 1. Moscow, Nauka, 2003, 921 p.; Vol. 4. Moscow, Nauka, 2003, 1018 p.; Vol. 7. Moscow, Nauka, 2012, 808 p.
- Gogol' N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 17 t. T. 3: Povesti; T. 4: Komedii* [Complete works and letters in 17 vols. Vol. 3: Stories; Vol. 4: Comedies]. I. A. Vinogradova, V. A. Voropayeva (Comp. and comm.). Moscow, izd. Mosk. patriarkhii, 2009, 688 p.
- Gol'denberg A. Kh. *Arkhetipy v poetike N. V. Gogolya: monografiya* [Archetypes in the poetics of N. In. Gogol: monograph]. Volgograd, VGPU “Peremena”, 2007, 261 p.
- Goncharov S. A. *Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom kontekste: monografiya* [The works of Gogol in the religious-mystical context: monograph]. St. Petersburg, RGPU im. A. I. Gertsena, 1997, 340 p.
- Gura A. V. Zhenikh [Groom]. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'. T. 2* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary. Vol. 2]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, Mezhdunar. otnosheniya, 1999, pp. 202–205.
- Ivanitskiy A. I. *Gogol'. Morfologiya zemli i vlasti. K voprosu o kul'turno-istoricheskikh osnovakh podsoznatel'nogo* [Gogol. Morphology of land and power. The question of the cultural and historical foundations of the subconscious]. Moscow, RGGU, 2000, 188 p.
- Iezuitova R. V. Ballada v epokhu romantizma [Ballad in the age of romanticism]. In: *Russkiy romantizm* [Russian romanticism]. Leningrad, Nauka, 1978, pp. 138–187.
- Kanunova F. Z., N. Zh. Vetsheva. Svetlana [Svetlana]. In: Zhukovskiy V. A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t. T. 3: Ballady* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 3: Ballads]. Moscow, LRC Publ. House, 2008, pp. 263–443.
- Khodanenko L. A. Zvukosfera v tvorchestve M. Yu. Lermontova [The sound sphere in the works of M. Y. Lermontov]. In: *Lermontovskie chteniya – 2013: Sb. st.* [Lermontov readings–2013: Coll. of art.]. St. Petersburg, Liki Rossii, 2014, pp. 24–25.
- Mann Yu. V. *Tvorchestvo Gogolya: smysl i forma* [The work of Gogol: meaning and form]. St. Petersburg, SPBU publ., 2007, 740 p.
- Novichkova T. A. Fol'klornye mifologemy v kontekste russkoy balladnoy traditsii. [Folklore mythologems in the context of Russian ballad tradition]. In: *Russkiy fol'klor* [Russian folklore]. St. Petersburg, Nauka, 2004, vol. 32, pp. 172–180.
- Zhavoronkova M. Yu., Khodanenko L. A. Kompleks svadebnykh motivov v tsikle povestey “Vechera na khutore bliz Dikan'ki” N. V. Gogolya [Range of wedding motifs in the cycle of stories “Evenings on a farm near Dikanka” of N. Gogol]. In: *Obrazovanie, nauka, innovatsii – vklad molodykh issledovateley: materialy VIII (XL) Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Education, science, innovation – contribution of young researchers: materials of the 8 (40)th International scientific-practical conference]. V. V. Poddubikov (Comp.), V. A. Volchek (Ed.), Kemerovo, 2013, iss. 14, pp. 298–299.
- Zhavoronkova M. Yu., Khodanenko L. A. Svadebnye chiny i razvitie konflikta v komedii N. V. Gogolya “Zhenit'ba” [Ritual roles and the development of the conflict in the comedy N. V. Gogol “Marriage”]. In: *Obrazovanie, nauka, innovatsii: vklad molodykh issledovateley – materialy XI (XLIII) Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Education, science, innovation – contribution of young researchers: materials of the 11 (43) International scientific-practical conference]. D. Yu. Nogtev (Comp.). Kemerovo, 2016, iss. 17, pp. 1241–1243.